

На скаку Шутун снова попытался зубами вцепиться в похитителя, но едва он сомкнул челюсти, он почувствовал дикую, ослепляющую боль в суставе — мужчина хладнокровно вывихнул мальчишке челюсть. Удерживая обмякшее тельце одной рукой, всадник мельком оглянулся назад.

Мао Сяофэй на горизонте казался крошечной черной точкой, которая, вопреки всему, упрямо и неумолимо приближалась. Это заставило мужчину удивленно вскинуть брови и тихонько хмыкнуть.

У Шутуна, неспособного закрыть рот, с подбородка стекала струйка слюны, пачкая дорогой шелк на плече всадника. Тот даже бровью не повел. Лениво, почти ласково он ткнул пальцем в пухлую детскую щеку и сощурился:

— Забавно. Что ж, поиграю с твоим мнимым папашей.

Шутун глухо замычал, тщетно пытаясь вытолкнуть воздух из груди, но похититель бесцеремонно ворочал пальцами во рту, прижимая язык и заставляя давиться. Наглец с издевательской усмешкой ткнул пальцем глубже, к самому небу. Не будь желудок Шутуна пуст с самого утра, его бы вывернуло наизнанку.

Вместо этого он лишь судорожно, до слез хрипел, задыхаясь от бессильной ярости, и прожигал похитителя полным ненависти взглядом.

Мужчина наклонился к самому его уху. Он вкрадчиво улыбнулся, и в этой улыбке сквозило нечто поистине дьявольское:

— На свете мало тех, кому удавалось обвести меня вокруг пальца. К тому же я прекрасно знаю, кто ты такой. Так что не глупи. Веди себя смирно, пока ты мне интересен, и, может быть, я сохраню твоему заступнику жизнь.

Он вскинул голову и посмотрел на бегущего позади Мао Сяофэя. В этом взгляде не было злости — лишь холодное безразличие, с каким смотрят на ползущего в пыли муравья.

Легкие Мао Сяофэя горели огнем, в ушах стоял оглушительный гул собственного сердца. Он давно потерял счет времени и шагам, видя перед собой лишь одно: всадник наконец натянул поводья и остановил жеребца. Кое-как добравшись до лошади, Сяо Фэй без сил согнулся пополам, оперевшись ладонями в дрожащие колени.

Огромные волкодавы, бежавшие следом, зашлись яростным, утробным лаем. Но стоило кому-то из свиты резко свистнуть, как псы замерли на полувздохе. Нехотя, скалясь на Сяо Фэя, они отступили и побежали к своему господину, преданно заглядывая ему в глаза и виляя хвостами.

— Что такое? — лениво бросил всадник. — Неужто серебра мало показалось?

— Нет, господин, умоляю! — Мао Сяофэй врал взхлеб, не моргая и не краснея. Он прекрасно понимал, что этого богача деньгами не проймешь, но у него не оставалось иного выхода. — Не забирайте его! Мы с сыном одни на всем белом свете... Без него мне и жизнь не мила!

Сяо Фэй искренне не понимал, зачем вельможе сдался Шутун. Захоти тот приютить красивого, как выточенная из нефрита игрушка, ребенка — перед ним бы выстроилась очередь. Зачем красть силой?

— И что с того? — хохотнул всадник.

В голове у Сяо Фэя царил полнейший хаос. С одной стороны — сокровища, которые Му Цаньшан велел беречь пуще глаза. С другой — мальчишка, с которым они едва успели сойтись. Но золото — прах, а человеческая жизнь — одна.

Сяо Фэй стиснул зубы и пошел ва-банк:

— Мальчик еще совсем мал, ему нужен уход! Если уж вы твердо решили забрать его, господин, возьмите и меня! Я буду прислуживать, заботиться о нем. Он без меня ни есть, ни спать не станет, характер у него с пеленок упрямый, сладу не найдете...

Мужчина властно поднял ладонь, призывая к молчанию. Сяо Фэй тут же прикусил язык, преданно заглядывая похитителю в рот.

— С чего ты взял, что мой названный сын будет голодать?

Сяофэй нахмурился, он невольно сжал кулаки. Бессильная злоба душила его: кинься он сейчас на всадника — лишь подставится под тяжелое копыто. Охрана держалась поодаль, шагах в трех-четырех, но у Сяо Фэя не было даже паршивого ножа. Будь у него хоть какое-то оружие, он бы рискнул, пусть даже эта попытка походила бы на безумство богомола, пытающегося остановить повозку.

Вид Шутуна, у которого неестественно обвисла вывихнутая челюсть, отзывался острой болью в груди Сяо Фэя.

Поняв, что мольбами дела не решить, он выпрямился и спросил напрямую:

— Что нужно сделать, чтобы вы отпустили моего сына?

Мужчина удивленно приподнял брови.

— А ты забавный, — протянул он. — Сделаем так: сможешь пробежать за моей лошастью двадцать ли — заберу вас обоих.

Он скользнул взглядом по беспокойной глади реки. Бурлящие темные воды навели его на одну жестокую мысль. Он извращенно улыбнулся. Он провел ладонью по нежной щеке Шутуна; почувствовав, как затрепетал и застыл в его руках ребенок, похититель ощутил сладостный прилив азарта.

— Идет, — без колебаний согласился Мао Сяофэй.

Он быстро закатал штанины, обнажив худые бледные ноги.

— Нет-нет, так не пойдет, — покачал головой всадник и сделал знак телохранителю.

Один из нукеров отвязал от седла моток пеньковой веревки, закрепил один конец на тяжелом стремени своего господина и прыгнул на землю, шагнув к Сяо Фэю.

— Руки, — хрипло приказал он.

Сяофэй побледнел, он яростно сверкнул глазами. Он посмотрел на Шутуна, но в этот момент похититель с издевательской ухмылкой сжал его больную ногу.

Шутун не выдержал и истошно вскрикнул от невыносимой боли.

Сердце Сяо Фэя пропустило удар. Он поспешно вытянул вперед руки, позволяя связать запястья. Грубая, колючая веревка больно впилась в кожу, но он лишь крепче сжал челюсти и приготовился бежать.

Не пробежали они и ли, как дыхание Сяо Фэя сбилось, а ноги налились свинцом. Но каждый раз, поднимая взгляд, он видел перед собой холеную спину негодяя, который заставил коня идти размеренной рысью, словно на прогулке. Помня, что Шутун совсем рядом, Сяо Фэй упрямо находил в себе новые силы и бежал дальше.

Солнце поднялось к зениту и нещадно палило. Он двигал ногами уже чисто механически, словно чужими. В горле пересохло так, что каждый вдох казался глотком раскаленного песка; он попытался сглотнуть скупую слюну, но лишь закашлялся. Тело отказывалось подчиняться разуму.

— Что, выдохся? — долетел до него насмешливый голос.

Едкий пот заливал глаза. Сяо Фэй сощурился, сквозь мутную пелену замечая, как щегольски одетый всадник нарочито медленно приподнимает Шутуна повыше, точно хвастаясь своей добычей.

Зарывав от бессильной злобы, Сяо Фэй сделал судорожный рывок вперед.

Но тягаться с верховым конем было безумием. Стоило беглецу ускориться, как конь прибавлял ходу, натягивая веревку. Когда же Сяо Фэй спотыкался и едва не падал, всадник придерживал жеребца, не позволяя волочить несчастного по земле, а превращая весь бег в изощренную, садистскую пытку.

Бег продолжался до самого полудня. Когда тени начали удлиняться, уходя к западу, Сяо Фэй понял, что его внутренний резерв исчерпан дочи́ста.

— Твой папаша, похоже, спекся, — лениво проговорил похититель.

Он бесцеремонно обхватил пальцами подбородок Шутуна, не обращая внимания на пачкающую пальцы слюну, и резко дернул руку вверх.

В ушах мальчика раздался сухой щелчок, отозвавшийся вспышкой дикой боли в черепе — сустав встал на место.

Шутун резко распахнул глаза, на которые мгновенно навернулись слезы, но тут же упрямо моргнул, прогоняя слабость.

— Тварь паршивая! — выплюнул мальчик.

Не успел он договорить, как по лицу хлестнули две хлесткие пощечины. Мужчина по-прежнему улыбался, лениво сощутив глаза:

— В моем присутствии выражаться не принято.

Шутун, лихорадочно соображая, выдавил сквозь зубы самое грязное ругательство, какое знал:

— Сукин сын!

Очередной удар наотмашь заставил его замолчать. Детская щека мгновенно припухла и запылала пунцовым цветом.

Мужчина перевел безразличный взор на плетущегося позади Мао Сяофэя и прошептал мальчику на ухо:

— Смотри, он сейчас упадет.

— Мразь! — Шутун затрясся от ярости и попытался вцепиться зубами в рукав похитителя.

Однако тот легко уклонился и одной ладонью стальной хваткой сжал мальчику рот так, что

губы побелели. Мужчина впился черными, бездонными зрачками в полный ненависти взгляд ребенка.

— Верно, я мразь, — вкрадчиво согласился похититель. — И со временем ты убедишься в этом еще не раз. Но сейчас мне нужно уладить одно пустяковое дельце. Так что помалкивай, иначе... — Он сделал зловещую паузу, выразительно косясь на едва волочащего ноги Сяо Фэя. — Будешь вести себя тихо, не станешь устраивать истерик и голодовок — я оставлю твоего дружка в живых.

Мужчина горделиво выпрямился. На его бледной шее отчетливо проступила татуировка — извивающийся лазурный дракон, чья пасть скалилась прямо на Шутуна.

Мальчик лишь глухо замычал под его ладонью.

— И больше никаких зубов, — предупредил похититель. — Твои укусы — что кошачьи царапины. Поначалу забавляет, но если кошка надоедает, ее просто топят. Ты ведь понимаешь, что мне это раз плюнуть? Сейчас я уберу руку, а ты молчишь. Договорились?

Как только он разжал пальцы, Шутун по привычке хотел выкрикнуть очередное ругательство, но наткнулся на ледяной, смеющийся взгляд и замер. В уголках его покрасневших глаз заблестели слезы бессилия. Он с тревогой посмотрел назад, на бредущего в пыли товарища.

Хуже всего было то, что великое поручение деда и все надежды братьев из банды Чёрного Дракона теперь висели на волоске из-за этого ублюдка. «Нужно притвориться покорным, втереться в доверие, а при первом же удобном случае — бежать», — лихорадочно соображал мальчик.

В ушах Сяо Фэя стоял невыносимый звон. Земля ушла из-под ног, и он замертво рухнул лицом в дорожную пыль. Конь протащил его на буксире еще шагов десять, прежде чем всадник натянул поводья.

Перед расплывающимся взором показались дорогие кожаные сапоги. Сяо Фэй из последних сил вцепился в голенища, намертво обхватив чужие ноги руками.

— Мы пробежали... больше двадцати ли... — прохрипел он сочащимися кровью губами.

Мужчина с наигранным сочувствием потрепал Сяо Фэя по растрепанным волосам, словно паршивого бездомного пса.

— Пробежал ты двадцать ли или нет — решать только мне, любезный.

Сяо Фэй зашелся сухим кашлем, безуспешно пытаясь сглотнуть.

— Господин... неужто... обманете? — Сяо Фэй уставился на него покрасневшими, вылезающими из орбит глазами. Подняться на ноги он уже физически не мог.

— Обманывают тех, перед кем держат ответ. А здесь? — Мужчина издевательски постучал пальцем по виску Сяо Фэя. — Оглянись вокруг. Кого ты видишь, кроме моих людей?

В висках Сяо Фэя дико колотило. Он судорожно закашлялся, сплевывая в пыль кровавистую пену, не в силах вымолвить ни слова.

— И потом, кому ты лапшу на уши вешаешь? Твой сын? Если он твой сын, то я — твой покойный прадед. Запомни, дуралей: не лезь на рожон, коли силенок маловато. — Мужчина брезгливо высвободил ногу и швырнул тяжелый кошель прямо в распухшее лицо Сяо Фэя. — Держи, это тебе плата за веселое представление. Коли не сдохнешь по дороге — милости просим в банду Лазурного Дракона, попробуй заведи его. И больше не смей называть его сыном. У такого замухрышки, как ты, не могло родиться столь благородное дитя.

Сяо Фэй хрипнул и рванулся вперед, пытаясь снова уцепиться за сапог.

Но он лишь скользнул ослабевшими пальцами по траве. Мужчина с ленцой, но с сокрушительной силой пнул его прямо в грудь. Удар вышиб остатки воздуха из легких, и Сяо Фэй покатился по земле.

Он почувствовал невыносимую боль в каждом суставе, кости словно превратились в труху. Перед глазамиплыли багровые круги, а в ушах набатом гремел пульс. Обессиленный, поверженный в пыль, он мог лишь беспомощно слушать, как ударяется дробный перестук копыт. Превозмогая дурноту, Сяо Фэй приподнял голову и сквозь застилающую взор кровавую пелену проводил взглядом скрывающуюся за холмом кавалькаду.

— Попробуешь выкинуть какой-нибудь фокус — и я велю утопить твоего дружка в реке, — не оборачиваясь, обронил всадник, едва заметно натянув поводья, стоило Шутуну вновь примериться, чтобы укусить его за руку.

Мальчик вздрогнул всем телом и безвольно обмяк, не смея больше сопротивляться.

Сяо Фэй пролежал в траве без сознания несколько часов. Когда он пришел в себя, солнце еще не зашло за горизонт. Превозмогая ломоту во всем теле, он кое-как поднялся и, пошатываясь, побрел к реке. Склонившись над водой, он зачерпнул пригоршню и ополоснул лицо. Ледяная влага обожгла многочисленные ссадины и порезы, окончательно вернув ему ясность мысли. В зеркальной глади на него смотрело чудовищное, заплывшее синяками месиво.

Он бессильно опустился на пожухлую траву. Ветер свистел в ушах, разгоняя затянувшийся звон в голове, и лишь теперь Сяо Фэй начал отчетливо различать шорох прибрежного тростника.

Немного переведя дух, он поднялся на ноги и, хромая, двинулся в обратный путь. Постепенно мышцы разогрелись, и Сяо Фэй перешел на бег. До знакомого грота, служившего им временным пристанищем, он добрался уже в глубоких сумерках.

Затаив дыхание, он лихорадочно раскидал маскировочные ветви и сухую листву. Стоило в темноте блеснуть мягкому, призрачному сиянию жемчужин, как с его души свалился огромный камень. Сяо Фэй с досадой забросал тайник обратно, заровнял землю ногами и без сил рухнул на холодный каменный пол.

Над головой распахнулась бездонная ночная высь, но страх отступил перед колоссальной усталостью. Мысли путались, веки налились свинцом, и Сяо Фэй мгновенно провалился в глубокий, беспмятный сон.

Пробуждение вышло скверным — на лицо закапали холодные дождевые капли. Морщась от боли, Сяо Фэй забился глубже в сухую нишу пещеры. В углу сиротливо лежал кожаный мешок Шутуна. Сяо Фэй на мгновение помрачнел, но тут же взял себя в руки, достал из мешка сухую растопку и кресало. Разбросанные на листьях куски оленины уже заметно потемнели и обветрились. Собрав уцелевшие ветки, Сяо Фэй раздул угли вчерашнего костра.

Желтые языки пламени весело заплясали по каменным сводам. Прополоскав мясо под струей дождевой воды, Сяо Фэй насадил куски на импровизированные вертела из веток и принялся жарить.

Едва по пещере разнесся дразнящий аромат, он, не обращая внимания на брызжущий сок и ожоги, принялся жадно рвать зубами горячую плоть. Лишь когда дикий голод немного утих, он стал жевать медленнее, восстанавливая силы.

Насытившись, Сяо Фэй густо засыпал оставшиеся куски солью и разложил сушиться на широком лопухе.

Снаружи сплошной стеной лил ливень. Постепенно он унялся, сменившись унылой моросью, но сон к Сяо Фэю так и не шел.

До возвращения Му Цаньшана оставалось еще немало времени, но Сяо Фэй молился о его скорейшем появлении. Быть может, вдвоем они еще успели бы нагнать похитителей по горячим следам. Но вокруг царила мертвая тишина, нарушаемая лишь мерным рокотом реки. Похоже, в верховьях дождя не было. Сяо Фэй в который раз осмотрел их ветхий плот, но так и не придумал, как спустить его на воду в одиночку. В бессильной ярости он пнул деревянный борт и тут же зашипел, баюкая ушибленную ногу.

Стянув сапоги, он содрогнулся — подошвы покрылись сплошным ковром водянистых мозолей. Гримасничая от боли, он принялся аккуратно прокалывать их одну за другой. Закончив, оторвал от своей изорванной в лохмотья рубахи две длинные полосы ткани, туго перебинтовал распухшие ступни и с тихим стоном втиснул их обратно в жесткую кожу сапог.

Внезапно сквозь пелену дремы до него донесся приглушенный перестук копыт. Сяо Фэй вздрогнул и мгновенно очнулся. Лихорадочно оглядевшись, он схватил бурдюк, залил тлеющие угли костра остатками воды и скользнул вглубь пещеры. Спрятавшись за выступом замшелого валуна, он затаил дыхание и осторожно выглянул наружу.

<http://bllate.org/book/18429/1866459>